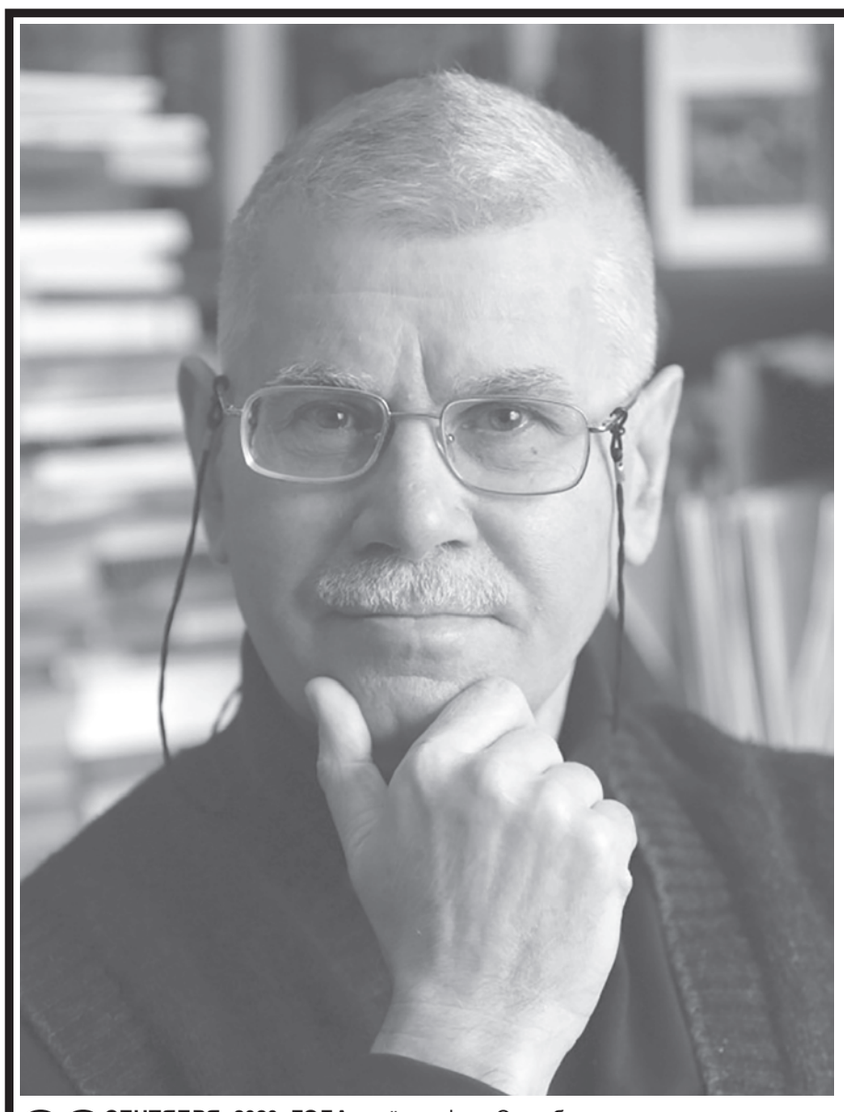
СИНЕРГИЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Памяти Сергея Хоружего



22 СЕНТЯБРЯ 2020 ГОДА ушёл из жизни Сергей Сергеевич Хоружий — человек, в котором встретились Афины и Иерусалим. Он был физиком и специалистом по богословию, математиком и переводчиком Дж. Джойса. Оставшись с раннего детства сиротой, он был воспитан родственниками матери — Героя Советского Союза Веры Хоружей, погибшей в 1942 году от рук нацистов. Будучи выпускником физического факультета МГУ, а впоследствии доктором физико-математических наук, он обратился к исследованию русской философии и святоотеческого наследия, участвовал в издании трудов Сергия Булгакова, Павла Флоренского и Льва Карсавина. Патриарх отмечал его вклад в изучение философии и практики исихазма.

Но, быть может, главным делом жизни С. С. Хоружего оказалась философия. Он работал не просто как комментатор, издатель и историк философии, но как тот, кто рискнул коснуться самой философии, то есть взять на себя бремя мыслить самому. Но как возможно мыслить самому? Ведь всякое мужество обеспечено следованием бережно охраняемой традиции. У нас же, в России, не философия, а "русская религиозная философия". Речевой оборот "русская религиозная философия" указывает не столько на характер нашей философии, сколько на её сомнительный статус, словно обязывающий нас всё время оправдываться, мол, есть у нас философия, только она не вполне соответствует собственной идее.

Как говорил Г. П. Федотов, на Западе в самые тёмные века монахи читали Вергилия, в грязном и нищем Париже XII века гремели битвы схоластов. Запад хранил и передавал античную философию из рук в руки, а Россия, словно немая дурочка, молчала почти тысячелетие, она не имела такого наследства, зато ей досталась главная книга — Библия, переведённая на славянский язык. Именно этот дар обрёк Россию на разрыв с западным миром, но одновременно именно он позволил родиться великому русскому языку, ибо на нём, а не на латыни, возносил молитвы русский народ. Русская философия возникает вдруг, в XIX веке. В основании ее лежат, как говорит Ф. И. Гиренок, грёзы Владимира Соловьева о Софии Премудрости Божией. Русская философия оказывается особенной не потому, что она религиозна, а потому, что она, в отличие от Запада, не стала для нас основной формой культуры. Для Запада философия — универсальный метафизический орган восприятия мира. В России же доминирует не Логос, а Образ. А потому нашими основными формами культуры оказываются икона, литература, живопись, философия же всегда тяготеет к метафоричности и выходу за собственные пределы в апофатику и мистерию. Россия не бессловесная дурочка, ибо наше умозрение, как скажет Евгений Трубецкой, в красках. Оно иное, невербальное.

Русская философия сегодня может состояться только в том случае, если мы обратимся к себе, своим смыслам, своей оптике, своим чаяниям, а не к подражанию чуждой нам западной культуре. Как говорил И. В. Киреевский: "Наша философия должна развиться из нашей жизни". Современная русская философия мыслима лишь как преемница традиции русской религиозной философии и философии русского авангарда. Философские поиски С. С. Хоружего находятся именно в контексте этой грандиозной задачи — построения современной русской философии.

Чётко отличая себя от нынешних обитателей "мансарды окнами на Запад", Сергей Хоружий пишет: "Что значит быть русским философом сегодня? …Необходимо заново обрести пространство мысли и координацию в нём или, иными словами, восстановить контекст; и это значит — вернуться к тому, на чём всё оборвалось, разглядеть, что же собирались сделать, что успели, что оставалось впереди… И лишь тогда сможешь идти дальше — после перерыва… Обрести вновь полномерное пространство мысли, опамятоваться, оглядеться — действительно, абсолютная необходимость. Однако как действовать, как двигаться в возвращённом пространстве?"

Всякая философия — это концепт, и Хоружему есть, что предъявить. Он является автором синергийной антропологии, которую мыслит как философию, которая приходит на смену исчерпавшей себя метафизике всеединства, и видит её истоки уже в имяславии: "Капитально разработав и исчерпав потенции метафизики всеединства (а с нею и всей древней "панентеистской" парадигмы сущностной связи Бога и мира), русская мысль начала продвигаться к созданию философии синергии (отвечающей парадигме энергийной связи Бога и мира). Такое продвижение наметилось уже в московских спорах об имяславии, в работах Флоренского и Лосева двадцатых годов. Обстановкою в большевистской России оно было оборвано, однако вскоре — и независимо — оно вновь начинается в трудах эмигрантских богословов — Кривошеина, Керна, Вл. Лосского, Мейендорфа. Теперь же пришла пора двоякого поворота: основу, заложенную в этих трудах, необходимо перевести с Запада — обратно на родину, и равно — из богословия в философию". Что же вернул Хоружий философии?

НЕПРАВОСЛАВНЫЙ не может быть русским, говорит Ф. М. Достоевский. С. С Хоружий возвращает русской философии православие, делая её животворящим центром традицию исихазма или священнобезмолвия. Суть синергийной антропологии состоит в смене языка философии. Отказываясь от описания человека и Бога в терминах "сущности", "субстанции" и "субъекта", Хоружий предлагает говорить о них на "языке энергий". Греческое слово "синергия", взятое из исихазма, означает соработничество двух энергий — человека и Бога.

Энергийный язык радикально меняет представление о человеке. Отныне он понимается не как тот, кто наделён неизменной природой, имеет некое сущностное ядро, например, разумность. Но как тот, кто определён периферией, то есть встречей с энергиями внешнего — "Иного". Теперь он предстаёт не как существо константное и закрытое, но как существо предельно пластичное, гибкое, динамичное, вариативное, открытое иному. Свою антропологию С. С. Хоружий также называет антропологией границы, ибо телос человека задан не центром, но выхождением к границе, её трансгрессией. Человек — это тот, кто существует на пределе. Он не тот, кто есть, но тот, кто обнаруживает себя в самопревосхождении. Его истина — в размыкании себя.

Энергии внешнего, согласно Хоружему, отнюдь не исчерпываются божественными. Он выделяет три основные "топики", то есть области границы — онтологическую, онтическую и виртуальную. В онтологической топике энергии человека соприкасаются с энергиями Инобытия, это пространство духовных практик. Здесь трансформируются онтологические характеристики человека, прежде всего, конечность и смертность. Например, в православии речь идёт о стяжании благодати и обожении. В онтической топике человек взаимодействует с энергиями бессознательного, это пространство неврозов, комплексов, безумия и прелести. Виртуальную топику Хоружий понимает как сферу "недоактулизированного, недовоплощённого сущего". Эта область квалифицируется как пограничная, поскольку в ней, по мнению Хоружего, также нарушается ход "нормального, обычного эмпирического существования".

Если истина человека заключена не в центре, а в игре периферии, то С. С. Хоружий закономерно приходит к выводу о том, что, говоря о человеке, мы подразумеваем целый "ансамбль существ, конституируемых разными топиками границы: существ радикально различных и, весьма рискованным, опасным образом вовсе не сообразованных и не согласованных меж собой". Человек "слишком широк". Многолик. Но, в отличие от Достоевского, для Хоружего он задаётся не просто вертикалью от Содома до идеала Мадонны, но бесчисленными вариациями трансгрессии границы. Антропологии Хоружего скорее близок образ человека у Г. Гессе, который уподобляет его шахматной доске, на которой может быть разыграно сколь угодно много различных партий. Как выражается Хоружий, человек — "животное сценарное", а его история — это смена "антропоформаций".

Обогащённая традицией исихазма русская философия реабилитирует тему свободы человека, проблему связи его актов и пред-актов, поведения, замыслов и помыслов. Если западная философия сегодня предпочитает модель "закрытого мира", исключающую трансцендентное измерение и описывающую универсум нейтральными терминами, которые не позволяют различить вещь, человека и Бога, то русская философия тяготеет, как выражается Хоружий, к расширенной онтологии, делающей возможным разговор о Боге, смысле и истине. Синергийный подход призван объяснить различие культур и ту ситуацию, в которой мы находим себя сегодня, в том числе такие феномены, как суицидальный терроризм, эвтаназию, тотальную виртуализацию антропологического пространства. Речь сегодня идёт не о "смерти" человека, то есть исчезновении его как феномена, но о смене антропологических конфигураций.

СЕГОДНЯ, как говорил Хоружий, в культуре и философии наметился "тренд ухода". Что это значит? Это значит, что человек устал быть человеком и готов уйти со сцены истории. С. С. Хоружий квалифицирует этот тренд как коллективное самоубийство. На смену себе человек готовит новое существо — постчеловека. Что можно сказать о постчеловеке? Его очертания смутно угадываются уже сегодня по тем плодам, которые сулит развитие биотехнологий, кибернетики, искусственного интеллекта и генной инженерии. Но, как говорит С. С. Хоружий, ясно одно: постчеловек — это не человек.

Постгуманистическая парадигма мышления является детищем западной философии постмодернизма и взращивается сегодня именно в западноевропейской философии, хотя и в России она находит себе немало сторонников, мыслящих себя как акторов мировой философии. Постгуманистическому тренду западной философии противостоит антропологическая парадигма русской философии. Философия абсолютного гостеприимства, дискредитирующая идею хозяина, то есть нормы, так называемые плоские онтологии и нечеловеческие антропологии, стирающие грань между людьми и не-людьми, трансгуманизм, превозносящий нечеловеческое в человеке, — все эти родственные феномены помещают разговор о человеке в контекст фашизма. Говорить о человеке сегодня становится неприлично и невозможно.

Современная русская философия, напротив, обращена к теме человека. Её главной проблемой оказывается различение человеческого и нечеловеческого в нём. Как считает Хоружий, сценарий "смерти" человека — это лишь один, пусть и доминирующий сейчас опыт антропоформаций. Концептуальный аппарат синергийной антропологии позволяет проводить различие между антропологическими сценариями: "Раскрытие, развёртывание себя в бытии, — говорит Хоружий, — принципиально более богатая перспектива и более широкий диапазон самореализации, нежели все прочие". Именно область духовных практик открывает сферу онтологически Иного, встречаясь с энергиями которого человек обретает свою подлинность.

Наталья РОСТОВА

Виталий ДАРЕНСКИЙ

ГОЛЕМ-ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Как сохранить личность

ТРАНСГУМАНИЗМ является закономерной реакцией на секуляризацию сознания: жажда бессмертия неустранима, и, когда человека лишили знания о бессмертии подлинном, о котором говорит религия, он пытается придумать бессмертие искусственное, достигаемое с помощью технических средств. Трансгуманизм — классический пример "псевдоморфоза" (О. Шпенглер), т. е. аберрации мысли и культуры, когда соединяются чуждые друг другу форма и содержание, порождая странный гибрид. В данном случае религиозная идея бессмертия души и преображения человека выражается в натуралистической идее о том, что человек "не является последним звеном эволюции", а значит, может "совершенствоваться до бесконечности с помощью искусственных средств" и в пределе достигнуть "цифрового бессмертия".

Последняя идея основана на явном философском невежестве — её адепты наивно полагают, что сознание человека имеет "материальный носитель" — мозг, и с него может быть "пересажено" на другой — искусственный. На самом же деле сознание является свойством души, а не тела, и вместе с душой оно выходит из тела в момент смерти. С мозгом же оно связано только опосредованно — через душу. Поэтому из мозга — этого "пучка белковых проводов" — пересаживать совершенно нечего и некуда, никакого сознания и "личности" там нет.

Впрочем, философская наивность адептов трансгуманизма не мешает им делать вполне реалистичные прогнозы будущей "киборгизации" человечества. Но из-за своей наивности они думают, что эта "киборгизация" будет великим благом и прогрессом, хотя в действительности она будет той катастрофой, которая уже вплотную подведёт человечество к порогу Апокалипсиса. А у тех, кто определяет ход глобальных процессов (мировой олигархии, "хозяев денег"), "киборгизация" является не более чем очередным инструментом тотальной манипуляции человечеством, которой мы должны эффективно противостоять.

Традиционные методы манипулирования сознанием в настоящее время дополняются ещё более мощными и эффективными методами, связанными с использованием виртуальной реальности, психотропных средств и вживлением в человека микрочипов. С помощью этих средств можно получить огромные массы полностью контролируемых людей, выполняющих заданные программы деятельности. На этой основе возможно переформатирование социума и создание кибертоталитаризма. Многие элементы этого переформатирования наблюдаются уже в наше время, но ещё не приобрели системный характер. Исходя из этого, важнейшей задачей является защита людей от подобного рода воздействий. Такая система может быть обеспечена только на государственном уровне. Кроме того, на современном уровне развития генной инженерии и нанотехнологий стала реальной возможностью мутагенная катастрофа. Разрушение генокода человека по своим масштабам сопоставимо с опасностью ядерной войны. Защита населения от гено- и нанооружия также в настоящее время становится важнейшей функцией государства.

ВОЗНИКАЮЩУЮ новую реальность можно назвать голем-цивилизацией, а используемые ею средства — голем-технологиями. Как известно, Голем — персонаж еврейской мифологии, искусственно созданное существо, оживлённое магами-каббалистами с помощью тайных знаний, как некое подобие Адама, которого Бог создал из глины. Этот сюжет на самом деле является общечеловеческим — например, он содержится и в русских сказках: о Глиняном парне и Снегурочке. Но Голем, по легенде, превышает свои "полномочия", выходит из-под контроля и восстаёт на своего творца — человека, проявляет свою волю, противоречащую воле его создателя: искусственный человек делает то, что преступно с точки зрения естественного живого человека. Вполне очевидно, что вышеуказанные гено- и нанотехнологии и "киборгизация" не могут в полной мере контролироваться человеком, т. е. рискуют породить не что иное, как сознательно создаваемый голем. Если предшествующая ей "фаустовская" цивилизация была основана на компромиссе с силами зла ради достижения материального "успеха", что и привело к трагической гибели Фауста; то голем-цивилизация уже не контролирует сама себя.

Стоит отметить, что предпосылки голем-цивилизации формируются уже сейчас, ещё до массового внедрения упомянутых технологий. Формируемый современной техникой человек радикально деперсонализируется, поскольку попадает в особую систему психологических зависимостей, становящихся очень устойчивыми, доходящими до уровня рефлекса. Включённый в сложную систему технических средств обеспечения жизнедеятельности на всех её уровнях, он становится внутренним зависимым элементом этой системы. Именно она теперь на самом базовом уровне формирует его потребности, желания, эмоции и мотивы деятельности. В результате этого у человека возникает устойчивое состояние, при котором он, по выражению А. Н. Покровского, "не должен точно знать, чего же он желает; ему достаточно лишь интуитивно ощутить некоторый дискомфорт в связи с нехваткой чего-то, как весь техногенный аппарат обеспечения существования закружится перед ним во всём богатстве контролируемого выбора, призванный не просто удовлетворить любое допустимое желание во всех его нюансах, но сгенерировать это самое желание, оправдать… его правомерность и "нормальность"".

Таким образом, поведение человека в конечном счёте сводится "к примитивным формам рефлекторного реагирования на различные раздражители, результаты которого известны заранее…, такое освобождение на уровне первичных позывов нездоровой человеческой психики сопровождается установлением опосредованного условиями существования, но от этого ещё более жёсткого контроля над сознанием человека. И репрессивность этого контроля заключена в самой системе потребления, самом дискурсе техногенного универсума… Нарушение личностной идентификации…, психологическая примитивность являются, таким образом, не просто следствиями, но ключевыми условиями техногенного порядка существования, которые необходимо должны воссоздаваться в массовых масштабах как единственное условие воссоздания техногенного общества".

Здесь формирование человеческого мировосприятия и модели поведения происходит исключительно по образу абсолютно бесчеловечной техногенной реальности, в которой человеческие качества принципиально вытесняются. Участие человеческого субъекта в этой реальности состоит в том, что его сознание начинает работать как безличный переработчик информации. Способность же к отбору и оценке этой информации атрофируется. То есть, в отличие от "органопроекции" как самопознания посредством орудий, здесь происходит прямо противоположный процесс — забывание себя как человека посредством "растворения" сознания в искусственной техногенной реальности. Человек "выстраивает" себя по модели технического устройства. Сознание впадает в устойчивую зависимость от потоков информации — в первую очередь, образной, поскольку привычка работать со сложной текстовой информацией также неуклонно атрофируется, будучи почти бесполезной.

Аналогичный процесс происходит и во внешней предметной деятельности человека, в которой формируется устойчивая привычка к максимальному комфорту, расслаблению и развлечению. Вследствие этого определяющими свойствами образа человека, формируемого этой новой реальностью, являются: общая примитивизация мышления, "картины мира" и стиля общения, манипулятивный характер отношений с социумом, виртуальность и эгоцентризм.

Этот деградационный тип человека как "биосоциального автомата", формируемый современной техногенной цивилизацией, является самым удобным "материалом" для любого манипулирования. Как показывает опыт, эффективно противостоять процессам деградации человека до состояния социального "биоавтомата" можно с помощью альтернативных культурных и социальных практик. Объективным факторам деперсонализации человека может эффективно противостоять включённость человека в глубинную культурную традицию, сохраняющую в себе образ мира и человека дотехногенной эпохи.

В этом случае происходит локализация модели человека как манипулируемого биосоциального автомата, действующего и мыслящего в соответствии со стереотипами информационной и техногенной среды только в рамках этой среды, за пределами которой он сохраняет способность быстро "переключаться" в более естественный режим деятельности и мышления. Деструктивный техногенный образ человека как социального "биоавтомата" может быть локализован с помощью альтернативных культурных и социальных практик, сохраняющих в себе образ человека, основанный на непрагматических ценностях. Воспитание и развитие этой способности возможно только в том случае, если человек проходит социализацию в рамках нормальной образовательной системы, основанной на усвоении классического культурного наследия и ознакомлении с нормами научного мышления и базовыми понятиями традиционной религиозной культуры своего народа. В условиях разрушения качественной образовательной системы её может заменять самообразование.

Но в любом случае только классическое культурное наследие во всех его формах (мораль, наука, искусство, религия) является тем единственным реальным компенсирующим фактором, который может эффективно противостоять объективному процессу примитивизации человека, который определяется неотвратимым воздействием современной техногенной среды. Однако и это средство может не "срабатывать" и сознательно блокироваться с помощью средств манипуляции массовым сознанием, навязывающим свой образ человека.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ будущего С. Лем описывал с помощью трёх моделей, которые ныне в полной мере сбываются. Это: 1) интеллектроника — эволюция разума, как естественного, так и создание его искусственных моделей; 2) фантомология — прообраз понятия "виртуальной реальности", которая связана не только с компьютерами, но и с более традиционными способами воздействия на сознание; 3) биоэволюция — генное (хотя и не только) конструирование человечества как вида и человека как индивида. На рубеже XX–XXI веков С. Лем зафиксировал катастрофические тенденции в современной цивилизации, выражающие крайнюю культурную деградацию господствующего типа человека. Он писал: "Эта абортивность, повсеместное влияние недоносков — это хилиастическая закатная истина конца тысячелетия… Цивилизация, технизированная и переавтоматизированная до такой степени, что становится нашим идолом-покровителем, абсолютно всеохватывающим, который берёт нас под опеку и заботится о каждом космическом и земном шаге, становится своего рода адом, в который мы, сами того не желая, превратили наши стремления к повсеместному благополучию".

Термин "абортивность" (ранее использованный М.К. Мамардашвили) фиксирует тот факт, что современный человек, превращаясь в биосоциальный автомат, остаётся нерождённым как личность и живёт на таком примитивном уровне смыслов, что его метафорически начинают называть "постчеловеком".

Следует отдать должное смелости С. Лема, не побоявшегося поставить такой "диагноз". Однако отметим, что в русской культуре он был поставлен намного раньше — в концепции К.Н. Леонтьева о трёх фазах жизненного цикла любой цивилизации: от "первичной простоты" к "цветущей сложности", а затем к "вторичному смесительному упрощению". Её завершила концепция "вторичного варварства" П.М. Бицилли, которая объясняет парадокс: как при внешнем прогрессизме и достижениях в науке и технике одновременно происходит обвальная примитивизация внутреннего содержания человеческой жизни. Более того, именно эта примитивизация и является неизбежной ценой этих "достижений". Отличие "вторичного" варварства от "первичного", по Бицилли, в том, что "вторичное" не есть отказ от "цивилизации", т. е. рационализации житейских отношений. Как раз напротив: это апогей "цивилизации", который "приводит в конечном итоге к умерщвлению души. История необратима. Замыкание цикла, возврат к исходной точке — это смерть". В последнем тезисе автор связывает историю с её дальней апокалиптической перспективой, но смысл этого тезиса в том, что история длится до тех пор, пока человек ещё не полностью порабощён "цивилизацией".

В 1984 году М. К. Мамардашвили ввёл термин "антропологическая катастрофа" для обозначения явной неспособности современного человека воспроизводить те первичные смыслы, без которых невозможно жить. Главной причиной этой новой варваризации является формирование "потребительского общества", в котором, по сути, оказывается "избыточным" всё, что выходит за рамки индивидуалистического прагматизма — стремления ко всё большему комфорту и удовлетворению витальных потребностей (также всё более искусственных). В результате разрушения устойчивых культурных традиций сознание человека редуцируется до уровня мышления мифами и архетипами. Они приобретают лишь обновлённую "упаковку" в виде техногенных образов и моделей — отсюда закономерна столь массовая популярность фантастики и представлений о мире в виде наукообразных мифов, имеющих глубокое архетипическое происхождение (пример такого рода мифов: мир как "матрица" и т. п.). Этому архаическому мифомышлению, лишь "замаскированному" новейшей техногенной образностью, может противостоять только освоение традиционной религиозной культуры, основанной на реальном духовном опыте.

ЦЕЛЬ ГОСУДАРСТВА — защитить внутреннее пространство личностного духовного развития от его уничтожения манипулятивными технологиями современной цивилизации. Базовой манипулятивной технологией, созданной капитализмом в XIX веке, является превращение человека в "экономическое животное", главной жизненной целью которого является потребление материальных благ, услуг и развлечений.

Второй манипулятивной технологией, созданной в XX веке, стала идеология "жизненного успеха", под которым подразумевается так называемая "самореализация" в сфере социальной карьеры. Это тип манипуляции, который уже "надстраивается" над "потребительской" жаждой наживы и поэтому называется "постэкономическим обществом". С антропологической точки зрения эта манипуляция является ещё более мощным поощрением человеческого эгоцентризма (автор этих строк предложил для её обозначения термин "эголатрия") и ещё более мощным средством разрушения личности, чем наивное "потребительство".

Третьей манипулятивной технологией, развивающейся в наше время, является прямой контроль над сознанием человека с помощью киберсистем, виртуальной реальности и психотропных средств различных видов, а также перспектива ещё более страшного вмешательства в генокод человека. Последний тип технологий требует системной защиты человека от него, которая может быть организована только на государственном уровне и фактически является одним из видов обороны страны от внешнего врага.

До настоящего времени люди вынуждены защищаться от воздействия первых двух технологий расчеловечивания только индивидуально, без какой-либо внешней поддержки, и поэтому это удаётся немногим. Обеспечение духовной безопасности страны является наиболее традиционной по своему содержанию и методам формой самосохранения социума. Её осуществление сильно затруднено фактическим плюрализмом современного общества, которое вследствие этого стало полностью открытым и незащищённым перед любыми деструктивными воздействиями на массовое сознание людей. В этих условиях функцию защиты духовной безопасности должна выполнять государственная система образования (при условии прекращения её деградации), а также традиционные религиозные и культурные институты.

В частности, в государственной системе образования одной из базовых учебных дисциплин должна быть "Русская культура". Концептуальной основой такого курса должна быть модель преображения человека в самом буквальном смысле — движения человека к идеалу, идеальному образу, заданному традицией: религиозной либо светской классической культурой. Традиция вообще должна трактоваться динамически — как процесс становления человека, преодоления им своей незавершённости и вхождение в образ высшего идеала. В христианстве это образ праведности и святости; в светской классической культуре это образ всесторонне развитого, духовно ориентированного человека. Именно такая ориентация очерчивает концепцию "традиционализма" в широком смысле слова. Стоит отметить, что большинство людей, которые в наше время испытывают ностальгию по советскому времени, ностальгируют в первую очередь не по внешним достижениям этого периода, а по тому образу человека, который там сохранялся. Это был образ целостной, духовно ориентированной личности, в отличие от "частичного" и прагматичного индивида, формировавшегося на Западе. Поэтому такие люди тоже могут быть причислены к традиционалистам, пусть и без религиозной ориентации.

НА КАКОЙ человеческий ресурс может опираться современная Россия, чтобы противостоять голем-цивилизации? Современный российский социум может эффективно развивать любые новейшие социальные институты, необходимые для современной техногенной цивилизации, без освоения которой Россия не выживет в современном мире. Однако само по себе это освоение также не означает выживания России в качестве именно России. Если будет утрачен ценнейший тип человека, в течение многих веков формировавшийся суровой русской историей и православием, то само существование России утратит всякий смысл. Она в таком случае может стать пусть и "развитой", но всего лишь одной из множества безликих стран "общества потребления". Высшей целью общества является не экономическое развитие, а создание более сложного и содержательного типа личности. В этом отношении Россия как раз остаётся мировым лидером и является более развитой страной, чем страны Запада и быстро вестернизирующиеся страны Востока.

В России также чрезвычайно распространился общемировой тип обезличенного человека техногенной цивилизации — эгоцентрического индивида с примитивными стандартизированными потребностями и инфантильным мировоззрением. Но смысловое "ядро" русской культуры и российского социума ещё продолжает формировать традиционный тип русского человека, homo russicus, провиденциально "законсервированный" в советскую эпоху и ныне способный внутренне противостоять процессам человеческой деградации в новом "постчеловеческом" социуме. В этих условиях задача государства, если оно не хочет быть уничтоженным голем-технологиями Запада, — активно искать именно этот тип людей и максимально использовать его и в государственном строительстве, и в других сферах (образовании, культуре и т. д.). В настоящее же время наблюдается скорее обратный процесс. Если такая политика не поменяется радикально, то человеческие ресурсы, способные предотвратить катастрофу, окажутся невостребованными, а сама катастрофа — необратимой.

На уровне интеллектуальных технологий важно применить стратегию изменения правил игры, в частности, "перекодировать" дискурс и сам термин "трансгуманизм". Этот термин содержит в себе констатацию недостаточности человека, необходимость выхода за пределы "человеческого". Необходимо настойчиво напоминать в рамках как научного, там и публичного дискурса, что трансгуманизм в его буквальном и исконном смысле — это императив именно христианской культуры, в которой человек был призван к преображению и обожению — вопреки своей смертной природе, порождённой первородным грехом. В основе культуры лежало совершенствование бессмертной души для приготовления её бытия в Вечности. Бессмертия не нужно "достигать", потому что человек изначально бессмертен, но бессмертие может быть очень разным, в зависимости от того, как человек проживёт эту жизнь. Проживёт в рамках "естественных" и тем более искусственных потребностей — и его вечная жизнь будет страшной. Проживёт в соответствии с христианским идеалом — и тогда его вечная жизнь будет его вечным совершенством. Таков был изначальный "трансгуманистический" посыл. А относительно нынешнего "трансгуманизма" справедливы иронические слова Гегеля: "По тому, чем довольствуется дух, можно судить о величине его потери".

Но потерю ведь можно и вернуть!